

Анна-Мария Костова ТОТОМАНОВА

Софийский университет им. св. Климента Охридского (Болгария, София)
atotomanova@abv.bg

Некоторые наброски к истории неличных глагольных форм в болгарском языке. Действительные причастия

В своем историческом развитии болгарский язык существенно сократил систему неличных глагольных форм, что соответствует общеславянской тенденции к уменьшению количества и частотности причастных форм в современных славянских языках и к ограничению их синтаксических функций [Гугуланова 2005: 51]. Болгарские народные говоры потеряли склоняемые действительные причастия настоящего и прошедшего времени, страдательное причастие настоящего времени и инфинитив.

Действительное причастие настоящего времени начало терять падежное изменение еще во время классического древнеболгарского (старославянского) периода, превращаясь в отглагольное наречие. Именно это наречие, восходящее к обобщенной основе на *-ашт-* вм. *-жшт-* для глаголов первых трех древнеболгарских спряжений и атематических глаголов и *-ашт-* для четвертого спряжения, обросло разными суффиксами и окончаниями и сохранилось в современных болгарских говорах. Формы на *-ешката* типа *ходешката* 'идя', *седешката* 'сидя', *лежешката* 'лежа', *търчешката* 'бегая', в которых обобщенная основа расширяется формантом *-к-*, характерны для большинства западноболгарских диалектов и отдельных восточных говоров, в которых под ударением четко слышится гласный *ъ* (ср. *ходешкѣта*, *седешкѣта*, *лежешкѣта*, *търчешкѣта*), который, очевидно, восходит к окончанию твор. падежа имен женского рода *-ж*. Это окончание появилось здесь по аналогии с наречиями, образованными от основ относительных прилагательных с суффиксом *-ьскъ* (*мъжъскъ*, *чловѣчьскъ*), которые в старославянском языке образовывали наречия с помощью окончания твор. п. мн. ч. м. р. *-ы* (ср. древнеболгарское *мъжъскы* и современное *мъжки* /*мъшки*/ 'по-мужски', *чловѣчьскы* и *човешки* 'по-человечески' и под.). Формы с окончанием твор. п. ед. ч. ж. р. у этих прилагательных, очевидно, появились позднее форм на *-ы*, так как кроме окончания ж. р. они содержат еще и артикль *-та* < *-тж*. Большинство этих форм в болгарских диалектах и в литературном языке содержат нечленимый с сегодняшней точки зрения формант *шк* перед окончаниями всех трех родов и наречными окончаниями, появившийся после падения слабого еря на морфемном стыке с основами на *ж*, *к* и *ц*, ср. современные наречия *юнашки* - *юнашката* 'по-молодецки', *глупашки* - *глупашката* 'по-дурацки' и т. п. Относительные прилагательные, произведенные от имен старой *nt*-основы с помощью праславянского суффикса *-*jъ* (ср. южноболгарские формы *телешти*, *пилешти*, *кучешти*, из **тѣлашть*, **пнлашть*, **коучашть*, параллельные русским *телячий*, *цыплячий*, *щенячий* и сербским *телећи*, *пилећи* [Тотоманова

2013: 35]) в большинстве болгарских говоров тоже были расширены суффиксом *-к-*, так как их основа на *-ашт-* совпала с основой действительных причастий настоящего времени (ср. *телешки, тилешки, кучешки*). Некоторые из них тоже производят наречия с окончанием твор. п. ж. р. рода и артиклем (ср. *кучешката* ‘по-собачьи’, *жабешката* ‘по-лягушачьи’ и под.). Отглагольная основа с формальным показателем *шк* прослеживается и в балканских, и в подбалканских говорах, где за ней следует окончание твор. п. ед. ч. м. р., ср. *ходешком/ходешким, лежешком/лежешким, седешком/седешким* и под. В восточных родопских говорах от той же самой основы развились формы на *-ешкѹм*, в которых гласный *у* появился в результате повышения гласного *о* под ударением в закрытом слоге. Интересно, что к этим формам было добавлено окончание с артиклем *-ата* и так получились дублетные формы *лежешкѹм/лежешкѹмата, ходешкѹм/ходешкѹмата*.

Образование отглагольных наречий с формантом *-шк-* ограничено и сводится к основам глаголов старых *е-* и *и-* спряжений. Причиной тому, по всей вероятности, является смешение отглагольных и именных образований с формантом *-шк-*, которое привело к тому, что формант *-ешком/-ешката* оторвался от этих основ и начал прибавляться к другим именным основам (ср. *слепешком/слепешката* ‘вслепую’, *заднешком/заднешката* ‘задом’, *трупешком/трупешката* ‘прыгать на двух ногах в детской игре’, *бързешком/бързешката* ‘быстро, спеша’). В конечном итоге это привело к потере глагольного признака в девербативных образованиях и их полному переходу в разряд наречий. Нужно отметить, что несмотря на смешение с отыменными наречиями, произведенными из основ относительных прилагательных (см. выше), отглагольные наречия этого типа обычно не сохраняют форму на *-и*, восходящую к твор. п. мн. ч. м. р., т. е., если в группе отадъективных образований возможны словообразовательные дублеты *лудешки-лудешката, юнашки-юнашката, кучешки-кучешката*, то в группе девербативов возможны только *ходешком/ходешким/ходешката* и под. Таким образом, в группе девербативов отсутствуют формы с окончанием *-и*, а в группе деадъективов отсутствуют формы на *-ом/-им* (см. таблицу). После того как формант *шк* начал присоединяться и к другим именным основам, различие между двумя типами образований сгладилось, и иногда трудно решить, к какой основе — именной или глагольной — восходит данное наречие. К примеру, при отсутствии формы на *-и* в словообразовательной парадигме наречие *бързешком/бързешката* может быть дериватом и прилагательного *бърз* ‘быстрый, шустрый’, и глагола *бързам* ‘спешить’. Во всяком случае в *Обратном словаре болгарского языка (ОРСБЕ)* только одно наречие на *-шк-* представлено тремя дублетами: *лудешки – лудешката – лудешком*. Но и оно может быть отнесено как к прилагательному *луд* ‘сумасшедший’, так и к деадъективному глаголу *лудея* ‘бесноваться, играть’. Является ли в таком случае *слепешком/слепешката* производным от прилагательного *сляп*? Или и оно восходит к глагольной основе (ср. *о-следея* ‘ослепнуть’)?!

Наречия с формантом *шк* в современном болгарском языке

(Источник: ОРСБЕ)

Наречия на <i>-шки</i>	Наречия на <i>-шката</i>	Наречия на <i>-шком</i>	Производящая основа	
			Глагол	Имя
1	2	3	4	5
	<i>бежешката</i>	<i>бежешком</i>	<i>бягам</i> ‘бегать’	
	<i>бързешката</i>	<i>бързешком</i>	<i>бързам</i> ‘спешить’	<i>бърз</i> ‘быстрый’
		<i>влачешком</i>	<i>влача</i> ‘волочить’	
	<i>влечешката</i>	<i>влечешком</i>	<i>влека</i> ‘влечь’	
	<i>вървешком</i>	<i>вървешком</i>	<i>вървя</i> ‘идти, ходить’	
	<i>грабешката</i>		<i>грабя</i> ‘грабить’	
	<i>дебнешката</i>	<i>дебнешком</i>	<i>дебна</i> ‘подстергать’	
	<i>дремешката</i>	<i>дремешком</i>	<i>дрема</i> ‘дремать’	
	<i>жумешката</i>	<i>жумешком</i>	<i>жумя</i> ‘жмуриться’	
		<i>клатешком</i>	<i>клатя</i> ‘качать’	
	<i>кличешката</i>	<i>кличешком</i>	<i>клича</i> ‘сидеть на корточках’	
	<i>коленичешката</i>		<i>коленича</i> ‘сидеть на коленях’	
	<i>крадешката</i>	<i>крадешком</i>	<i>крада</i> ‘красть(ся)’	
	<i>крачешката</i>		<i>крача</i> ‘шагать’	
	<i>куцешката</i>	<i>куцешком</i>	<i>куцам</i> ‘хромать’	<i>куц</i> ‘хромой’
		<i>лазешком</i>	<i>лазя</i> ‘лазить’	
	<i>лежешката</i>	<i>лежешком</i>	<i>лежа</i> ‘лежать’	
	<i>мижешката</i>	<i>мижешком</i>	<i>мижа</i> ‘щуриться’	
	<i>мълчешката</i>	<i>мълчешком</i>	<i>мълча</i> ‘молчать’	
	<i>пипнешката</i>	<i>пипнешком</i>	<i>пипна</i> ‘трогать, шупать’	
	<i>плачешката</i>	<i>плачешком</i>	<i>плача</i> ‘плакать’	
	<i>плувешката</i>		<i>плувам</i> ‘плыть’	
	<i>пълзешката</i>	<i>пълзешком</i>	<i>пълзя</i> ‘ползти, ползать’	
	<i>ревешката</i>	<i>ревешком</i>	<i>рева</i> ‘реветь’	
	<i>свирешката</i>	<i>свирешком</i>	<i>свирия</i> ‘свистеть; играть на чем-то’	
	<i>седешката</i>	<i>седешком</i>	<i>седя</i> ‘сидеть’	
	<i>скачешката</i>	<i>скачешком</i>	<i>скачам</i> ‘прыгать’	
	<i>смеешката</i>	<i>смеешком</i>	<i>смея се</i> ‘смеяться’	
	<i>стоешката</i>	<i>стоешком</i>	<i>стоя</i> ‘стоять’	
	<i>тичешката</i>	<i>тичешком</i>	<i>тичам</i> ‘бежать’	
	<i>търчешката</i>	<i>търчешком</i>	<i>търча</i> ‘бежать’	
	<i>хвърчешката</i>	<i>хвърчешком</i>	<i>хвърча</i> ‘летать’	
		<i>ходешком</i>	<i>ходя</i> ‘ходить’	
	<i>шепнешката</i>	<i>шепнешком</i>	<i>шепна</i> ‘шептать’	

1	2	3	4	5
	<i>яздешката</i>	<i>яздешком</i>	<i>яздя</i> 'ездить верхом'	
<i>кучешки</i>	<i>кучешката</i>			<i>куче</i> 'собака'
<i>лудешки</i>	<i>лудешката</i>	<i>лудешком</i>	<i>лудея</i> 'играть, бесноваться'	<i>луд</i> 'сумасшедший'
	<i>магарешката</i>			<i>магаре</i> 'осел'
<i>рачешки</i>	<i>рачешката</i>			<i>рак</i> 'рак'
	<i>старешката</i>			<i>старец</i> 'старик'
<i>трупешки</i>	* <i>трупешката</i>			<i>труп</i> 'ствол отрубленного дерева'

В центральных частях мизийского и рупского ареалов, однако, встречаются формы деепричастия на *-итиц* и *-итим*¹ (ср. *ходештиц* 'идя', *седештиц* 'сидя', *викациц* 'крича, с криком' в районе Шумена и *играштим* 'играя', *тарчиштим* 'бегая', *пеештим* 'напевая, припевая', *ходештим* 'идя', *рукаштим* 'крича', *пускаштим* 'стреляя' в рупско-родопских говорах). На первый взгляд эти формы кажутся старинными, так как в суффиксе сохранилась группа *шт*, которая являлась и является характеристикой действительного причастия настоящего времени с древних времен и по сей день, и к тому же эти причастия характерны для двух диалектов, которые традиционно считаются архаическими. На самом деле формы на *-итим*, *-итиц* в центральных частях мизийского и рупского ареала успели сохранить свою глагольность до новейших времен, поскольку их образование было более регулярным и охватывало и глаголы нового *а*-спряжения².

Регулярным является и образование деепричастий в юго-западных болгарских диалектах, для которых характерны формы на *-ѣйк'у* (*-ѣк'у*), *-ѣйк'и* (но и *-ѣйк'ум*, *-ѣйк'ум*), которые в морфологическом отношении аналогичны формам на *-итиц*, *-итим* и образуются не от обобщенной основы старого действительного причастия, а от имперфектной основы исходного глагола, оканчивающейся на *е* (< ѣ) для первых двух спряжений и на *а* для третьего спряжения. Фактически формальным признаком этих деепричастий является только палатальный согласный *к*, который во всех македонских говорах по морфологическим причинам вытеснил *шт* как результат йотации праславянского

¹ О фонетических и морфологических причинах закрепления формантов *-итиц*, *-итим*, в этих прилагательных см. [Тотоманова 2013: 29–33].

² Во всяком случае уроженец г. Шумена В. Друмев в своей драме «Иванку, убиецът на Асения I» свободно пользуется деепричастиями на *-ици* и на *-ициц*, образованными от глаголов нового 3 спряжения (ср. *Свиаци рамена; влиза кашляциц; влизат, бияциц се; охкациц и куцешком отива настрана; мълчешком наместват още малко чашите, шестарите и многосвещиците и озъртациц се, отиват си бързешком; велможите, разговаряци, влизат; втурват се, бягаци от Милка; втурват се подира им, викациц; отиват след него, викациц; влизат от срецната страна, викациц* [Тотоманова 2013: 31–32]). Видно и то, что его идиолекту присущи и образования на *-ешком*, и это наводит нас на мысль, что на определенном этапе развития формирование двух типов совпало во времени. Первый сохранил свою глагольность, а второй перешел в класс наречий. Во всяком случае, собранный материал является недостаточным для более категорических выводов. Болгарский диалектный атлас (далее — БДА) не исследует деепричастные формы в болгарских говорах и формы отглагольных наречий, а в словарях современного языка эти формы находятся постольку, поскольку они употреблялись в литературе и прессе.

tj [Тотоманова 2009]. Иначе говоря, в мизийском, рупском и македонском ареалах на определенном этапе их развития имела место инновация, вследствие которой из старого форманта действительного причастия как показатель глагольности была выделена только консонантная часть (*шт/к*'), которая и начала присоединяться свободно к новым глагольным основам. Это могло случиться только тогда, когда новое *a*-спряжение сформировалось в болгарском языке, т. е. не раньше начала новоболгарского периода истории болгарского языка, что связано с появлением, распространением и установлением новых изосемических суффиксов для имперфективации *ава/’ава/ва* в болгарских диалектах [Ганева 2018:67-89]. Наверное, эта зависимость от основы имперфекта, который в болгарском языке образуется от основы настоящего времени (см. ниже), и позволила македонским формам на *-ейки*, *-айки* войти в болгарский литературный язык в качестве неотъемлемой части глагольной системы. В свете вышеизложенного, факт, что восстановленное для нужд книжного языка действительное причастие настоящего времени³ имеет те же формальные характеристики — имперфектная основа на *-’а/-е-* для первых двух спряжений и *a* для третьего + *шт*, не является случайностью (ср. *берящ*, но *мòжещ*, *седящ*, но *мòлещ*, *стрèл’ащ*, *рисуващ* с соответствующими формами имперфекта глаголов *берях*, но *мòжех*, *седях*, но *мòлех*, *стрèлях*, *рисувах*). В тридцатые годы прошлого века эти формы полностью вытеснили формы типа *служащ*, *пишущ*, *говорящ*, которые вошли в новый книжный язык под влиянием церковнославянского и русского языков. Реликтовые формы *горещ* ‘горячий’, *вонещ* ‘вонючий’ и *сьщ* ‘тот же, тот самый’ остаются единственным наследием старого действительного причастия настоящего времени в болгарских диалектах, но уже не связаны с системой глагола, а перешли в класс прилагательных по подобию русских *вонючий*, *колючий*, *могучий*.

Некоторым западным диалектам присущи формы типа *гледаещи*, *готвеещи*, *берещи*, *приказваещи* [Първев 1979: 337], которые содержат глагольную основу на гласный и обобщенную наставку — *ешт-* с окончанием *-и*⁴. Подобные формы *носещи*, *играещи* можно услышать и вблизи Охрида в говоре Раждьды и Вевчан [Младенов 2002:179]. То же самое прослеживается и в деепричастиях в диалекте г. Трына (*стойдечи*, *пойдечи*, *седейдечи* [Стойков 2002: 249]) и г. Радомира (*оддечи*, *трчдечи*, *боддечи*). Согласный *ч* в суффиксе является регулярной заменой праславянского *tj* в переходных говорах, к которым относится диалект г. Трын, а в диалекте Радомира распространился по соседству. В диалекте г. Благоевграда находим формы на *-аек’и*: *бераек’и*, *одаек’и*, *седаек’и*, *шетаек’и* [Стойков 2002: 158] с морфонологической заменой *шт > к’* в суффиксе и обобщенным гласным *a* в глагольной основе. Можно полагать, что из форм такого типа развились формы, присущие мизийскому, рупскому и македонскому ареалу, которые сохранили только темпораль-

³ По свидетельству И. Гугулановой, атрибутивное употребление действительного причастия настоящего времени в XVII в. в болгарском языке сводилось только к цитатам из Библии [Гугуланова 2005: 69].

⁴ О происхождении первоначального окончания *-и* деепричастий из окончания сложной формы им. п. м. р. ед. ч. в болгарском языке см. [Тотоманова 2013: 27-31].

ный маркер основы, но потеряли гласный *e* < **а** в обобщенном суффиксе. Именно появление темпорального гласного в основе этих форм способствовало сохранению глагольного значения этих деепричастий в отличие от форм отглагольных наречий на *-еш-к-* < *-ешт-к-*.

Диалект г. Кюстендила сохранил гибридные формы *одеёчки*, *носёечки*, *купуваёчки* [Стойков 2002: 157], в которых основа деепричастия, содержащая темпоральный гласный имперфекта и обобщенный суффикс, получила расширение *-к-*, как и формы типа *ходешком/ходешким/ходешката*. Согласный *ч* в этих формах, однако, является результатом того, что в этом диалекте группа *шк* любого происхождения вытесняется группой *чк* (ср. *овочка* ‘овощное дерево’ из **овошть-ка* по аналогии с *юначка* ‘молодецкая’ вм. *юнашка*⁵).

* * *

Из двух действительных причастий прошедшего времени болгарский язык сохранил только второе — причастие с суффиксом *-л-*, которое в древнеболгарском имело только предикативное употребление в составе сложных глагольных форм перфекта (*исль ходилъ*), плюсквамперфекта (*вѣхъ ходилъ*), будущего предварительного (*вѣдѣхъ ходилъ*) и кондиционала (*внмь/вѣхъ ходилъ*)⁶. При этом перфектные формы имеют довольно ограниченное употребление [Тотоманова 2014: 132–134], так как являются наследниками древнего результативного типа, который начал распадаться еще в праславянском языке, когда оптативные (тип *внмь ходилъ*) и аористные (тип *вѣхъ ходилъ*) результативные формы начали выражать условное значение [Герджиков 2013: 210–211]. Распад системы результативных времен привел к тому, что формы перфекта стали синонимами унаследованных от праславянского аориста и имперфекта в зависимости от глагольного вида, что в конце концов привело к тому, что перфект вытеснил простые прошедшие времена во всех славянских языках, кроме болгарского. В болгарском имперфект превратился в релятивное (индиректное) прошедшее время, выражающее симультанное действие к определенному моменту в плане претерита. На формальном уровне это привело к тому, что формы имперфекта стали образовываться от основы настоящего времени (ср. ст.-сл. *пъсаахъ* и современное *пишех* от глагола *пъсати*, *пншж*; *въраахъ* и *берях* от *вѣрати*, *вѣрж* и под.). На уровне семантики сдвиг в значении имперфекта стал причиной перестройки всей темпоральной системы индикатива. Вследствие того, что имперфект стал выражать настоящее время в прошедшем, в системе появились и другие релятивные времена — будущее в про-

⁵ Это фонетическое явление занимает довольно широкий ареал болгарской языковой территории. Согласно карте № М 55, «Наставки за образуване на относителни прилагателни имена от названия за лица от типа **войнишки**, **човешки**», в него входят призренско-тимочкие диалекты, юго-западные болгарские говоры и часть северо-западных, македонские говоры, а также часть фракийских до Пловдива и Хасково и часть западнорупских диалектов, включая Фессалоники. На юго-востоке около г. Малко Търново находится анклав этого явления, который уходит на юг на территорию Турции [БДА IV: 81].

⁶ В районе Корчи и Костура это причастие почти утеряно [БДА IV:208], так как перфект в этих говорах стал образовываться с помощью глагола *имам* и страдательного причастия, как в итальянском — *имам одено*, *имам писано* и под. [Младенов 2002: 181].

шедшем и будущее предварительное в прошедшем, так как процесс перестройки системы шел одновременно с грамматикализацией будущего времени в болгарском языке [Герджиков 2013а: 214–219]⁷. К тому же старая синонимия между перфектом и формами аориста и имперфекта нарушилась, и на системном уровне перфект остался синонимом только для аориста. Такая ситуация могла разрешиться двумя способами: 1) перфект вытесняет аорист, как это произошло в некоторых романских языках, переживших тот же сдвиг в значении имперфекта, но сохранивших и доразвивших его отношения с другими перфектными по происхождению временами, или 2) аорист сохраняется как простое нерелятивное прошедшее время, что приводит к реактуализации результативного значения перфектных форм, что и случилось в истории болгарского языка⁸. В свою очередь результативные времена стали причиной возникновения новой глагольной категории эвиденциальности и послужили материалом для построения ее парадигмы [Тотоманова 2009б]. Для нужд этой новой глагольной парадигмы понадобилось новое предикативное имперфектное причастие, которое выражало бы презенс и имперфект в новой эвиденциальной парадигме. Новое действительное причастие, как и старое аористное причастие, образуется с помощью того же суффикса *-л-*, но от основы имперфекта и имеет только предикативное употребление (ср. *ходел* и *ходех*, *тишел* и *тишех* и под.). Имперфектное причастие встречается в большинстве восточных говоров, в диалектах Вардарской Македонии и в западной Эгейской Македонии и не является общеполгарским явлением, о чем свидетельствует карта № М 130 «Разпространение на форми за минало несвършено деятелно причастие от типа **играел, лежал, перял**» [БДА IV: 156]. В некоторых македонских диалектах имперфектное причастие употребляется не только в общей парадигме эвиденциального настоящего и имперфекта во всех несвидетельских модусах⁹, но и в общей парадигме эвиденциального будущего и будущего предварительного (ср. *к'е месела*, *к'е речел* [Гостивар])¹⁰. Вероятно,

⁷ Сдвиг в значении имперфекта не мог произойти ранее начала XV в., так как релятивные времена существуют только в комплексе с другими релятивными временами, а первые зарегистрированные примеры будущего в прошедшем относятся как раз к этому времени [Ганева 2018: 113–116].

⁸ Результатом этой перестройки явилось то, что в системе индикатива болгарский язык различает девять времен: настоящее *чета*, аорист *четох*, имперфект *четях*, будущее *ще чета*, перфект *чел съм*, плюсквамперфект *чел бях*, будущее предварительное *ще съм чел* и будущее предварительное в прошедшем *щях да съм чел*. Об организации системы индикатива см. [Герджиков 2013].

⁹ Согласно принципу парадигматической компенсации, в несвидетельских модусах высказывания (умозаключительном, пересказательном и недоверчивом) нейтрализуется оппозиция претеритности, что ведет к совпадению форм прошедших и непрошедших времен, т. е. настоящее и имперфект имеют общую парадигму, так же как перфект и плюсквамперфект, будущее и будущее в прошедшем, будущее предварительное и будущее предварительное в прошедшем. Подробнее об этом см. [Герджиков 1984: 189–220].

¹⁰ Появление имперфектного причастия в этой форме здесь является закономерным, так как в диалектах македонского ареала форма будущего в прошедшем в индикативе является инновацией и образуется с помощью частицы для будущего времени и формы имперфекта спрягаемого глагола для соответствующего лица, что является полной параллелью образованию обычного нерелятивного (директного) будущего (ср. 3 л. ед. ч. *ке носеше* и *ке носи*). По сравнению с до-

по аналогии оно появляется и после частиц *да* и *не*, ср. *ни мужёле* в диалекте Гевгели [БДА IV: 207].

Старое аористное причастие сохраняет свое предикативное употребление в составе результативных времен индикатива¹¹ и в новых парадигмах эвиденциального аориста, перфекта и плюсквамперфекта, в реже употребляемом будущем предварительном и будущем предварительном в прошедшем¹², а также в условном наклонении¹³.

Одновременно с этим аористное причастие развило и атрибутивное употребление и полностью вытеснило старое склоняемое действительное причастие прошедшего времени, от которого в диалектах не осталось никаких следов¹⁴. Этот процесс является общим для большинства славянских языков, за исключением польского и русского [Гугуланова 2005: 53]. По нашему мнению, именно четко прослеживаемая связь этого причастия с аористом, который сохранил свое значение в болгарском языке, способствовала полному исчезновению старого склоняемого причастия. Под влиянием русского и церковнославянского в книжный язык вошло несколько прилагательных с суффиксом *-ви-*, которые восходят к старому причастию (ср. *бивши* ‘бывший’, *потърпевши* ‘потерпевший’, *преждеговоривши* ‘преждеговоривший’). В современном болгарском языке вполне возможно использование аористного причастия в составе именной группы (ср., напр., *заспало дете* ‘спящий (буквально — уснувший) ребенок’, *умряло куче* ‘мертвая (буквально — умершая) собака’, *минали неща* ‘дела минувшие’ и под.). Частое употребление этого причастия с некоторыми существительными ведет к оформлению лексикализованных групп и к субстантивации (ср., напр., *миналото* ‘прошлое’, *станалото* ‘то, что произошло’, *случилото се* ‘случившееся’, *новодошлите* ‘вновь пришедшие’ и т. п.). Аористное причастие в диалектах и в обыденной речи участвует и во фразеологизмах, как *взел-дал* ‘конченный человек’, *врели некипели* ‘пустые, необдуманые слова’, *щяло и нещяло* ‘что-то незначительное’, *минало заминало* ‘оставшееся в прошлом, забытое’. Для литературного болгарского языка характерно полупредикативное употребление аористного причастия в обособленной позиции¹⁵.

вольно неуклюжей книжной и общеболгарской формой *щеше да носи* македонская форма выглядит очень элегантно.

¹¹ Перфект *чел съм*, плюсквамперфект *чел бях*, будущее предварительное *ще съм чел* и будущее предварительное в прошедшем *щях да съм чел*. В темпоральном плане отношения между формами повторяют отношения активных времен — результатив настоящего времени, результатив прошедшего времени, результатив будущего и результатив будущего в прошедшем.

¹² В пересказательном модусе формы 3 л. ед. ч. выглядят следующим образом: *чел, чел бил, щял да е чел* [Герджиков 1984: 219].

¹³ Здесь болгарский язык сохранил старую форму *бих ходил* < *вѣхъ ходилъ* (см. выше), которая конкурирует с формами будущего в прошедшем в условных периодах (ср. *Ако знаех, щях да ти кажа/бих ти казал* ‘Если бы я знал (это), то сказал бы тебе’).

¹⁴ В отличие от действительного причастия настоящего времени, причастия прошедшего времени не подвергались адвербиализации в болгарском языке, как и в большинстве славянских языков, за исключением польско-русского ареала.

¹⁵ Об употреблении аористного причастия в современном болгарском литературном языке см. подробнее: [Гугуланова 2005: 166–204].

В истории болгарского языка формы аористного причастия претерпели и некоторые формальные изменения. Как и все атрибутивно употребляемые формы, эти причастия потеряли признак грамматического рода в формах множественного числа¹⁶. В болгарских диалектах, однако, рядом с унаследованным из ст.-сл. обобщенным окончанием *-и* (< *-н* для м. р. и *-ы* для ж. р.), которое является единственным окончанием в литературном языке, появилось новое окончание *-е*¹⁷, происхождение которого до сих пор не дискутировалось в болгарской исторической грамматике.

Окончание мн. ч. *-е* существительных мужского рода в болгарском языке обычно объясняется влиянием окончания *-ьнѣ >нѣ* существительных *i*-основ м. р., которое начало вытеснять старое окончание *jo*-основ м. р. *-н*, ср., напр., ст.-сл. *зълѣдѣнѣ*. С течением времени это окончание, превратившееся в *-е*, стало присоединяться только к тем существительным м. р., основа которых была простой, т. е. не содержала словообразовательных суффиксов с показателем грамматического рода. Подобно окончанию *и*-основ м. р. *-ове*, окончание *-е* стало подчеркивать мужской род существительных с простой основой, формы которых после падения еров совпали с формами имен *i*-основ ж. р., что могло привести к колебанию грамматического рода обоих классов имен [Тотоманова 2009а: 64–66]. В западных и южных болгарских диалектах, в отличие от северо-восточных, где односложные существительные м. р., за редким исключением (*дине* ‘дни’, *коне* ‘лошади’, *крѣле* ‘короли’, *куме* ‘кумовья’, *купе* ‘кучи, стоги’, *мъже* ‘мужчины; мужья’, *цѣре* ‘цари’)¹⁸, предпочитают окончание *-ове*, окончание *-е* является более частотным и распространяется также и на имена с осложненной морфемной структурой (чаще всего на *nomina agentis* — *ораче* ‘пахари’, *копаче* ‘землекопы’, *рибаре* ‘рыбаки’, *приятеле* ‘друзья’, здесь оно может восходить к старому консонантному окончанию *-е*)¹⁹. Опять в южных болгарских говорах окончание *-е* смешалось с омонимическим окончанием собирательных существительных ср. р. типа *грозднѣ*, *цвѣтнѣ*, *камѣннѣ*, и несмотря на то, что эти формы функционируют как полноценные формы мн. ч. м. р., для выражения категории определенности, которая развилась в болгарском языке, они прибавляют артикль ср. р., напр., *мъжето*, *конето*, *снопето* вм. *мъжете*, *конете*, *снопите* и под. По аналогии можно встретить и *воловето*, *градовето* и т. д. Вряд ли партиципиальное окончание *-е* может

¹⁶ Различение рода в формах мн. ч. причастий и прилагательных сохранилось в переходных прибрежно-тимочских говорах, где находим окончание *-и* для м. р., *-е* для ж. р. и *-а* для ср. р. В северо-восточной части Моравской области и в некоторых пунктах Северо-Западной Болгарии (Белоградчик, на западе от Монтаны, Годеч, Сливница) остались только окончания *-и* для м. р. и ср. р. и окончания *-е* для ж. р. [БДА IV: 208].

¹⁷ По данным болгарских рукописей формы с окончанием *-ѣ* начинают появляться с XII в. (ср. *нѣ вѣхѣмъ осъждѣннѣ бѣлѣ* (Охр. ап.); *вѣхъ ходнѣ* (Гр. пар.); *что съхъ створнѣ* (Берл. сб.); *да сѣ вѣхъ пѣвнѣ грьвѣтнѣ вѣтѣзнѣ тронскѣхъ странѣхъ и привѣлѣ вѣхъ рнждѣоуша попа* (Тр. пр.) [Харалампиев 2001: 168].

¹⁸ В литературном языке только пять существительных м. р. — *мъже*, *царе*, *князе*, *краве*, *коне* — образуют мн. ч. с этим окончанием.

¹⁹ Формы мн. ч. на *-е*, образованные от существительных с осложненной морфемной структурой, встречаются и в диалекте Шумена (ср. *българе*, *другаре*, *майстуре*, *урѣче*, *бустанѣ*, *гълѣбе*, *кѣкѣле*, *рѣкаѣве*, *чурѣне*) [Стойков 2002: 103].

связываться с субстантивным окончанием *-e*, которое в свою очередь смешалось с собирательным окончанием ср. р., но можно полагать, что и здесь, как и в приведенных выше *nomina agentis* м. р., сохранилось старое окончание консонантного склонения *-e*, которое, ввиду консонантного происхождения склоняемых действительных причастий (см. суффиксы *-nt-* причастий наст. вр. и *-us-* причастий прошедшего времени), было исконным окончанием им. п. мн. ч. м. р. в древнеболгарском языке.

Распределение форм на *-e* и на *-и* зависит от акцентной парадигмы аористных причастий. Как правило, в окситонных причастных формах мн. ч., образованных от глагола *съм* 'быть' и дериватов глагола *ида* 'идти', окончание *-e* появляется чаще, чем в неокситонных. В зависимости от распределения форм на *-и* и *-e* четко выделяется несколько ареалов: один непрерывный северо-западный и другой довольно большой юго-восточный ареал, охватывающий диалекты к югу от линии Бургас — Пловдив и восточную часть юго-западных говоров, в которых формы аористных причастий глагола *съм* и дериватов глагола *ида* принадлежат к типу *били*, *дошли*. Формы на *-e* (*биле*, *дошлие*) занимают большой северо-восточный ареал и с перерывом — другой юго-западный ареал, в который входят говоры Вардарской Македонии и западной части Эгейской Македонии (карта № М 133). Конфигурация ареалов аористных причастий типа *пъравили*, *хъдили* (карта № М 134) выглядит по-другому: формы типа *пъравили* имеют более широкое распространение и охватывают не только северо-восточные, но и довольно большую часть северо-западных диалектов, так же как и все южные диалекты, которые располагаются вдоль линии Кюстендил – Ениджевардар – к востоку до Черного моря (южнее г. Бургаса). Распространение причастий типа *пъравиле*, *хъдиле* является более ограниченным на севере, где эти причастия встречаются в небольшом центральном ареале, но юго-западный ареал очерчен хорошо [БДА IV: 20].

* * *

На первый взгляд, судьба двух действительных причастий в болгарском языке представляется противоположной — причастие настоящего времени подверглось адвербиализации и исчезло в болгарских диалектах, превратившись в наречие и/или в деепричастие в полупредикативном употреблении, в то время как аористное причастие вообще не подвергалось адвербиализации, несмотря на то что приобрело и атрибутивные функции, и по сравнению с древнеболгарской эпохой намного расширило свое предикативное и полупредикативное употребление. Кроме того, в связи с перестройкой болгарской темпоральной системы и появлением категории эвиденциальности в болгарском языке возникло новое имперфектное причастие, которое обслуживало оппозицию релятивность – нерелятивность в новых модусах высказывания. На самом деле оба причастия адаптировались к инновациям в болгарской глагольной системе, в которой произошло несколько важных событий — появление релятивных и результативных времен и возникновение новых изосемических суффиксов *-ава-/-'ава-/-ва-* для вторичной имперфективации, которые увеличили количество продуктивных глаголов несовершенного вида с основой

на *-а*, которые стали и костяком нового болгарского третьего спряжения. Появление нового спряжения, с одной стороны, ускорило процесс превращения образований с формантом *-шк-* в обычные наречия, которые не имеют дополнений и обстоятельственных пояснений, так как обобщенный суффиксальный гласный *e* (< ѡ) перед этим формантом предопределял их образование только от глаголов старого *e-* и *и-* спряжений. Иначе говоря, эти образования потеряли связь с глагольным спряжением, а формальное совпадение девербативов и деадъективов только способствовало ускоренному процессу адвербиализации отглагольных наречий с формантом *-шк-*. Для восстановления глагольности этих образований в части болгарских говоров был выделен суффикс с начальным *e* (*-ешт-/-ек'-/-еч-* в зависимости от рефлекса псл. *tj*), который стал присоединяться к имперфектной основе глаголов на *e-* для первого и второго спряжения и на *а-* для третьего, которая в болгарском языке является вариантом основы настоящего времени. Впоследствии в формах деепричастий остался только гласный темпоральной основы, а *шт/к/ч* превратились в маркеры новых деепричастий. Именно четкое различие грамматической основы способствовало интеграции деепричастия на *-ейку/айки* в глагольную систему литературного болгарского языка и успешному восстановлению причастия настоящего времени на *-щ*, которое образуется от той же самой основы. В то же время болгарские диалекты и новый литературный язык не отказались от отглагольных наречий с формантом *-шк-*, которые продолжают сосуществовать с формами деепричастия, что в конечном итоге предоставляет новые возможности для лексического и стилистического варьирования. Четкость грамматической основы аористного причастия не только способствовала расширению его образования от глаголов с новыми имперфективными суффиксами, но и облегчила возникновение нового причастия прошедшего времени с тем же самым формальным показателем, но от имперфектной основы глаголов. И тут становится явным сходство в развитии обоих действительных причастий: использование имперфектной основы для производства новых форм, выражающих одновременность в плане презенса и претерита. Как уже было упомянуто выше, процесс установления имперфектной основы в формах деепричастия и несовершенного причастия прошедшего времени, по всей вероятности, начался в болгарских говорах не ранее начала XV в.

СЛОВАРИ И АТЛАСЫ

БДА IV — Български диалектен атлас. Обобщаващ том. IV. Морфология. (Болгарский диалектологический атлас. Обобщающий том. IV. Морфология). София: Издателство на БАН “Марин Дринов”, 2016. 248 с.

ОРСБЕ — Обратен речник на съвременния български език. София: Издателство на БАН, 1975. 656 с.

ЛИТЕРАТУРА

Ганева Г. Р. История на граматическите основи. София: Panev Publishing, 2018. 149 с.

Герджиков Г. А. Презказването на глаголно действие в българския език. София: Наука и изкуство, 1984. 210 с.

- Герджиков Г. А.* Българските глаголни времена като система // Г. Герджиков. Избрани студии и статии по езикознание. София: УИ “Св. Климент Охридски”, 2013. С. 185–190.
- Герджиков Г. А.* Преустройството на темпоралната система в старобългарския период и началото на специфичния път на развитие на българския глагол // Г. Герджиков. Избрани студии и статии по езикознание. София: УИ “Св. Климент Охридски”, 2013а. С. 207–219.
- Гугуланова И. Т.* Българските причастия и деепричастия в славянски контекст. София: УИ “Св. Климент Охридски”, 2005. 218 с.
- Младенов М. С.* Българските диалекти във Вардарска и Егейска Македония // Стойков Ст. И. Българска диалектология. София: АИ “Проф. Марин Дринов”, 2002. С. 170–185. [Електронно издание]. URL: http://www.promacedonia.org/jchorb/st/st_2_b_maked.htm#* (дата обращения 29.05.2020)
- Първев Хр.* Установяване на деепричастието в съвременния български книжовен език // Помагало по история на българския книжовен език. София. 1979. С. 334–351.
- Стойков С. И.* Българска диалектология. София: АИ “Проф. Марин Дринов”, 2002. [Електронно издание]. URL: <http://www.promacedonia.org/jchorb/st/index.htm> (дата обращения 29.05.2020)
- Тотоманова А. К.* Още веднаж за меките *к* и *г* на мястото на праславянските *tj* и *dj* в югозападните български говори // Из историята на българския език. Сборник статии. София: ПАМ Пъблишинг Къмпани ООД, 2009. С. 47–50.
- Тотоманова А. К.* Прегрупирането на склоненията в историята на българския език // Из историята на българския език. Сборник статии. София: ПАМ Пъблишинг Къмпани ООД, 2009а. С. 59–74.
- Тотоманова А. К.* Към историята на българската темпорална система // Из историята на българския език. Сборник статии. София: ПАМ Пъблишинг Къмпани ООД, 2009б. С. 169–175.
- Тотоманова А. К.* Някои шрихи към развоя на деепричастията и отглаголните наречия // Софийската Мала Света гора като културен и книжовен феномен. Изследвания, посветени на 110-годишнината от рождението на чл.-кор. проф. Кирил Мирчев (= Български език. 2013. LX. Приложение) София, 2013. С. 28–36.
- Тотоманова А. К.* Единството на българския книжовен и некнижовен език през X–XI в. // Попконстантинов К., Тотоманова А. Епохата на българския цар Самуил. Език и писменост. София: Академично издателство „Проф. Марин Дринов“, 2014. С. 79–173.
- Харалампиев И.* Историческа граматика на българския език. В. Търново: Фабер, 2001. 244 с.